

Владислав Тихонов

Лезвие
Мёртвой охоты

Владислав Георгиевич Тихонов

Лезвие Мёртвой охоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28947525

SelfPub; 2018

Аннотация

Провинциальный графоман-неудачник случайно находит кинжал из другого мира. Под воздействием демонического артефакта он преобразуется в чудовище. Содержит нецензурную брань.

*Ад – территория избранных,
Рай – территория нищих...*

Поэт-мистик Иван Неклюдов.

– А я вам говорю, что Пупкевич велик! Что там Бродский! Сам Пастернак в сравнении с Пупкевичем ноль!

– Пупкевич? Не знаю никакого Пупкевича... Говно и блядь ваш Пупкевич!

Прыгая с прокуренных языков, будто наглые жирные блохи, слова металась по заслуженному пространству. Неопрятный свет тусклых лампочек рисовал густые тени на физиономиях и мерцающие окошечки на бутылках с водкой. «Вот он, светлый пир богов», – думал Аркадий Шебуршёнов, раскачиваясь на стуле.

Аркадий Шебуршёнов, которого знакомые называли Аркашка-какашка, разведённый поэт сорока двух лет, степенно воспарял, ощущая вторжение в свой дух алкогольной крепости. Когда-то, не очень давно, он удосужился прочесть несколько книг. По простоте душевной Аркашка-какашка мнил, что кроме него этих книг больше никто не читал, и поэтому видел себя носителем и хранителем некоей истины. Истина эта представлялась Аркадию куском ваты, утопленным в розовом киселе. Она была бесформенной и неясной, но почему-то жутко важной и до зарезу нужной кому-то Са-

тому Главному.

Торжественное заседание быдлогорского городского лит-объединения «Кривая железака», посвящённое выходу книги стихов Иосифа Пупкевича «В печали ты, душа моя...» было, как пишут газетные пошляки, в самом разгаре.

На соседнем стуле поэт-спортсмен Тиша Покукаев заливался пьяными слезами и пытался декламировать стихотворение собственного сочинения. Он помнил только первую строку, которую и ревел безостановочно: «о русь моя, взмахни крылами». Руки Тиши, изображая взмахи могучих крыл, падали в тарелки с помидорами и винегретом, били соседей по ушам. Точнее, соседа – сидящего слева Шебуршёнова. Сосед справа, композитор-баянист Яша Мрукалис, давно спал и на оплеухи не реагировал.

Поэтому на Покукаева никто не обращал внимания – никто, кроме Аркадия, то и дело пытавшегося отодвинуться от хлещущей руки. Литераторы галдели и не слушали друг друга. Каждый нёс своё, каждый надрывно рассказывал шумной и прокуренной пустоте о своей гениальности и о ничтожестве всех остальных.

В грязной стопочке волновался спирт, разбавленный жиденьким электричеством. Сигаретный дым заплетался серыми змеями, вытягивался в глумливые бесовские рожи. Голова, как в далёком детстве, кружилась пёстрой пожарной каруселью. Лёгонькая тошнотца павлиньим пером щекотала горло, и было чудесно и брезгливо Шебуршёнову – аки в раю.

Только Покукаев мешал. Поэт-спортсмен никак не уставал изображать руками крылья, а Аркадий устал уворачиваться.

– Слушай, хватит махать, а? Размахался тут...

– А?

Залитое слезами и помидорной сопелью щетинистое лицо недоумённо обернулось на Аркадия. В расчерченных алыми молнийками глазных яблоках лучился экстаз идиота.

– Руками, говорю, махать хватит. Надоел уже...

– А, это ты что ли, Аркашка-какашка? Привет.

Покукаев отвернулся от Аркадия, как от существа само собой малозначительного, и снова завыл про русь, замахал крылами. Покукаев давно уже не стриг ногтей – во-первых, из принципа, а во-вторых, чтобы походить на пророчествующего оптинского старца. Кривые и грязные когти при очередном взмахе пребольно оцарапали шебуршёновскую щёку.

– Ты чё, сука, туго соображаешь, что ли?!

Пожарная карусель в аркашиной голове моментально превратилась в кровавый вихрь. Болезненно взвившись, Шебуршёнов подхватил свой стул и обрушил его на Тишу.

– Ах ты, жид! Русь тебе наша святая не по нраву?! – загорланил Покукаев, слетая на пол. Ползая там, внизу, он пытался и дальше махать руками, чтобы вознестись до свинячьих аркашиных глаз и выклевывать их. Падая мордой об грязные рыжие доски, а казалось ему, что воспарил он к потолку, приклеился помидорной сопелью и не может никак

спуститься на пол.

– Отмажьте меня отсюда! Снимите! – надрывался Покукаев. Он уже забыл про Аркашу и удивлялся тому, что никто не обращает внимания на такое чудо: возлевитировал в поэтическом угаре человек к потолку и спуститься не может.

Шебуршёнова вырвало. Зелёно-чёрная блевотина с красными вкраплениями помидоров и фиолетовыми островками винегрета расплескалась по полу, образовав небольшое болотце. Гадко и грешно сделалось Аркадию всё вокруг. Светлый пир богов обратился в мерзостное сборище содомитов и пьяниц.

– Свиньи, скоты, убудки! Я ВАС ВСЕХ НЕНАВИЖУ!

Никто не обратил внимания. Каждый галдел и кричал своё. Каждому было что сказать этой звериной пустоте, выгородить себя и обвинить других. А пустота лениво пила электричество и ехидно слушала всех. Всех, кроме Аркадия.

«Это же обида. Смертельная обида», – думал Аркадий, хватая со стола чью-то вилку. Вилку воткнул он в спину спящему Мрукалису, после чего быстро надел свои пальто и шапку и вышел – в холод и безлюдье, в мокрый снег, в неосвещённые подворотни. Туда, где лают собаки и где бандиты притаились среди кустов, грея ножи в карманах. Во тьму внешнюю и скрежет зубовный.

* * *

Аркадий Шебуршёнов жил в холодной однокомнатной норе, в засранной пятиэтажной халупе на окраине Быдлогорска. По ночам хищные ветры выли за окнами, напускали в форточки лютую стужу, крутили темноту снеговыми петлями. В такие ночи любил Шебуршёнов сидеть в постели, закутавшись в дырявый плед, пить тридцатирублёвый портвейн и читать при свете старенького бра свои стихи.

Но сегодня, придя с торжественного заседания лито, чувствовал себя Аркаша препаршиво, и тихие радости были не нужны ему. Гнев поруганной души жёг сердце синим крематорским пламенем. Вставали перед глазами скверные рожи литераторов, долбило в уши ихнее гнусное горлопанство. Не знают Истины, а туда же, корчат из себя гениев... Недоумки паршивые...

Портвейну в холодильнике не оказалось. Не оказалось его и в заначке – в ободранном пианино «Дружба». Тоскливо упал Шебуршёнов на взвизгнувший диван. Плохо и зря прошёл день: плюнул в морду, снял штаны, повернулся и показал говённую задницу.

Ущербная Луна за окном колебалась под порывами ветра, хлопья мокрого снега неслись сквозь ночь в атаку на невидимого врага, и не было Аркадию уюта. Нехорошим мятежным сном забылся он на своей тощей подушке. Просыпался каждые полтора часа, ходил на кухню пить воду из крана, затем снова падал на диван. О беспощадный путь зимних похмельных ночей, как же долог и труден ты! Хоть бы ничтож-

ную крупицу радости занёс твой ветер в форточку! Хоть бы капельку тепла и покоя!

Метался Аркадий в злобном бреду на скомканной грязной постели, сквернословил сквозь скрип зубов, истекал слюной. Волшебные паучьи тени лезли из-под половиц, голодные лунные щупальца тянулись к Шебуршёнову с потолка. Мрачным фиолетовым огнём мерцала извилистая лунная кожа.

Утопленный в хмельной агонии, не видел и не ведал Аркадий ничего.

* * *

Вычерченные из ночного марева Люди Льда и Тумана неслись вместе со снегом на быстрых крылатых змеях. Мёртвая Охота обгоняла сны и кошмары, врывалась в плотное кружение ветра опасной ноябрьской силой. Расплывчатые знаки на лицах светились темнотой, и не было спасения одиноким душам от тусклого свинцового сияния.

И случилось в эту ночь так, что ЮггерУннТрай, верховный шаман Людей Льда и Тумана, по воле ночных богов обронил своё ритуальное оружие. Упоённое музыкой ветра волосатое шаманское ухо не уловило лёгкого звона металла, упавшего в мёрзлую грязь.

Быстрые прозрачные змеи промелькнули в безрадостной разноэтажной тьме, отразились в спящих окнах красные гла-

за всадников, расплескался по углам непостижимый страх... Мёртвая Охота растворилась в эфире, всосалась в линии электропередачи, выплеснулась на иней мгновенной одинокой кровью. К утру кровь остыла. Дороги сна перекрыли расцветные шлагбаумы, и новый день пришёл за своей обычной добычей.

* * *

...Шебуршёнов проснулся в девятом часу. Глумливая синь наступившего утра лениво сменялась дневной серой мешковиной. Давно пора было подниматься и топать на работу. Точнее, на заработки.

Добывал себе пропитание Аркашка-какашка потным трудом грузчика на центральном быдлогорском рынке. Ворочал огромные баулы с китайским ширпотребом, тягал пыльные мешки с урюком и грецкими орехами, выволакивал из мясных фур мороженые коровьи трупы. Хилое шебуршёновское здоровье всячески восставало против таких заработков, но увы... Суровая старуха Жизнь раз и навсегда убедительно доказала быдлогорскому поэту, что никаким иным рациональным делом он заниматься не в состоянии. Даже в сторожах и дворниках Аркадий долго не задерживался – каждый раз находился кто-то, кто управлялся с с метлой и амбарными замками намного лучше его.

Упал в желудок угрюмый плавленый сырок – вот и весь

завтрак поэта. Изломанный похмельем мир в очередной раз чужд и враждебен был Шебуршёнову. Низкие потолки, потемневшие стены, серые стёкла, трамвайный грохот – всё сулило неприятности, угрожало, запугивало... Мерзкие тайны холодного городского утра шептали о себе в самые уши. Хихикливо, остервенело шептали, сводя с ума беспричинной назойливостью.

Напялив плешивую кроличью ушанку, вышел Аркадий навстречу дню. Неподалёку от подъезда топтался безвозрастный местный дурачок Кокаколо, которого на самом деле звали Паша Ахтюгаев. В руке у Кокаколо была пластиковая бутылка с одноимённым напитком. Паша развлекал себя тем, что набирал газировку в рот и, подержав немного в надутых щеках, шумно выплёвывал на асфальт.

– Ты чё, Пашка, добро на говно переводишь? – вяло спросил Шебуршёнов, проходя мимо.

– А ты палоську потеял, себьяную, – Кокаколо вновь наполнил щёки жидкостью из бутылки и замер, пялясь безмятежными жёлтыми глазами в небушко.

– Какую ещё палочку?

Свободная Пашкина рука в синей шерстяной перчатке ткнула пальцем куда-то в сторону подъезда. Шебуршёнов автоматически поворотил глаза, и они уловили металлический блеск на земле, под заснеженными кустами чахлого палисадничка. Один чёрт знает, что дёрнуло Аркадия Шебуршёнова подойти посмотреть, что это там блестит среди собачье-

го сранья. Но странный предмет, неведь как очутившийся возле подъезда совковой пятиэтажки, никоим образом не вязался с окружающей действительностью. Трясущейся рукой Шебуршёнов поднял с земли необыкновенный, явно старинный и дорогой нож. Точнее, кинжал.

Узкое изогнутое лезвие украшали диковинные, непривычные узоры, в которых виделось не то морское, не то небесное. В узоры гармонично вплелись острые знаки, напоминающие руны. Странную неудобную рукоять венчала ажурная свастика, от которой, казалось, исходило лёгкое белое сияние. «Золото. Белое золото», – тревожно и радостно догадался Аркадий. Сунув находку в карман, он пугливо завертел головой. Но кроме Кокаколо, самозабвенно поливавшего газировкой обледенелый асфальт, рядом не было никого. Лишь родная пятиэтажка мёртво таращилась слепыми чёрными окнами. «Будем надеяться, никто не видел», – успокоил себя Аркадий и быстро повернул домой. На работу он решил сегодня забить.

* * *

Таинственный клинок заморозил ум Аркадия, истерзанный пустым бытиём. В сложной паутине узоров на полированном лезвии грезился Шебуршёнову мистический холод неких высоких и злых духовных систем. Стальные рунические знаки звенели смертью, сочились выпитой кровью, све-

тились безумным чужим огнём. Ажурная, похожая на осьминога, округлая свастика сулила вещи прекрасные и ужасные, манила радостью открытий и магических обновлений.

Первоначальный замысел толкнуть находку какому-нибудь антиквару растворился сам собой в первый же день. Чем больше разглядывал Шебуршёнов кинжал, тем сильнее чувствовал: перед ним вещь из иного, сакрального мира, посланная ему не случайно. «Я особенный человек, очень особенный, – грезил Аркадий, любуясь находкой. – Пускай никто пока не видит моей избранности, моего превосходства над всеми, но чувствую: недолго уж осталось прозябать. Обретённый кинжал – знак королевского отличия, атрибут высшего сана. Меня посвятили». В ответ на эти мысли лезвие переливалось синеватыми бликами, лучилось силой и властью... Рукоять пульсировала в ладони, посылая колючие, морозные импульсы в очарованный шебуршёновский мозг. Через кожу, по костям, по крови неслись посланцы древней стали в клетки серого вещества, в бесчувственный подчерепной студень – трансформатор и проводник идей, мыслей, образов...

А за окнами яростно безобразничала вечерняя темнота, радуясь вместе с Аркадием. Темнота грохотала погремушками трамваев, обливалась ядовитым электрическим светом, звенела дикими пьяными воплями, плевалась в уличные лица мёртвым рекламным огнём. Город сладостно извивался, придавленный наступающей ночью – он сделался слаб и

немошен, он ждал насилия и унижений. Чудилось Аркадию, как пинает он этот скрюченный, барахтающийся в мусоре город, как бьёт тяжёлыми ботинками в квакающее быдлогорское брюхо и целит каблуком в неопрятную лысину.

Хриплое индюшачье брюзжание дверного звонка вернуло Шебуршёнова в реальность. Сунув кинжал под подушку, он пошёл открывать. За дверью стоял старший подъезда – неприятный пожилой горбун Плючишнян. Он пришёл требовать с Аркадия пятьдесят рублей за мытьё подъезда. Перегаром, колбасой и луком разило от Плючишняна и ещё чем-то донельзя скверным, чему и названия-то в русском языке нет.

Пятидесяти рублей у Шебуршёнова не было. Плючишнян, у которого в одиннадцать часов вечера не нашлось иных дел, кроме как собирать деньги за подъезд, принялся скандалить.

– У всех у вас нету! Как жрать да пить, так есть! А как за подъезд платить, так сразу нету ни у кого! Ты мне вывернись наизнанку, а деньги сыщи! А не то сам мой! Тряпку в зубы – и мой! А то, блядь, зассали весь подъезд и платить не хотят!

Вырванный отвратительным визитёром из мира мечты, Аркадий резко и с наслаждением озлобился. Он схватил горбуна за горло и мощным рывком забросил в квартиру. Помогли навыки грузчика: не зря же на базаре столько лет промудохался, бросая мешки с картошкой!

Затрепетавшей сердечной мышцей, воспрянувшей печёнкой ощутил Шебуршёнов любезную всякому человеку сла-

дось расправы над врагом. Горбатый Плючишнян давно отравлял Шебуршёнову жизнь своим смрадным дыханием, своим невозможно петушиным голосом, подлыми сплетнями своими и паскудным шпионством. И вот теперь Плючишнян отдан ему на суд и растерзание. Сверкнула молния в беспросветной ночи, и гнев вечной зимы взметнулся ледяными кулаками. Спета твоя сраная песенка, ёбаный горбун!

Пока старший подъезда, кинутый на пол, пытался, свински матюгаясь, встать на ноги, Аркадий закрыл дверь.

– Ты что, уёбок, творишь?! Совсем сбрендил, ебантей?! Зачем дверь закрыл?! Выпусти меня! Помогите! Убивают!

Горбун поднялся было на ноги, но Шебуршёнов с силой толкнул его локтем в грудь. Чтобы не вопил, чтобы не вонял тут, сучье вымя...

По-обезьяньи взмахнув кривыми, фиолетовыми от пакостных наколок руками, Плючишнян вновь полетел на пол. Блёкло-розовенькие, протёртые до известковых дыр самоварные астры на обоях да затянутые пылью щели ободранного пола – вот и все свидетели этого дела.

В коридоре на полу зачем-то стоял у Аркадия прислонённый к стенке молоток. Старый, тронутый ржавчиной молоток, которым Шебуршёнов иногда забивал гвозди и колол грецкие орехи. Отполированная годами и грязью рукоять привычно легла в ладонь. Плючишнян завизжал, увидев, как змеиная головка молотка несётся на него из-за шебуршёновского плеча. Она целила точно в лицо.

От удара лопнул левый глаз. Лопнул – и потёк по толстой щеке. Ангелы мести распалили Шебуршёнова злыми скрипками и барабанами! Сдохни, Плючишнян! Сам ведь напросился! Сам, сам, сам! Сам захотел себе такого конца! Сам избрал судьбу! Сам нашёл палача! Получай теперь! Ударами яростными, неотвратимыми заглушить ненужный, сопливый предсмертный визг! Быстро и свирепо разворотить переносицу, пробить лоб, проломить височную кость!

Лют и бесстрашен сделался в убиении Аркадий. Непривычно холоден и трезв стал его разум, рука обрела крепость железа, твёрдость орудия всесокрушающего.

Широко расставив тонкие ноги, стоял он над телом врага. Плешивая голова Плючишняна превратилась в неопрятный, раздербаненный кочан. Сок этого кочана растёкся по полу ярко пахнущим, рельефным пятном. Аркадию вспомнился прочитанный некогда рассказ про убийцу, изобличённого благодаря тому, что в его жилище догадались налить на пол воды. Воду лили до тех пор, пока она не заполнила доверху щели в полу и не вымыла наружу остатки крови жертв. «Жалко, что у меня полы не покрыты линолеумом», – думал Аркадий, глядя, как кровавые пузыри вытекают из плючишнянских мозгов.

Внезапно некая идея – острая, подобная возбуждающему наркотическому разряду – кольнула сердце. Отставив молоток, Аркадий юрким, стремительным зверем метнулся в комнату. Вырвал из-под подушки клинок и вознёс над голо-

вой, любуясь и ликуя, и завороженно почувствовал, как ток чудесной силы потёк по руке, притянутый из запредельного мрака магической сталью. Надо скорее напоить это нежное, хищно изогнутое лезвие, выкупать в крови... Скорее, пока не остыл труп подъездного притеснителя и не сбежали из него последние микробы жизни!

Чёрным нетопырём-падальщиком вился Аркадий над трупом горбуна, примеряясь, прицеливаясь... И вот он вонзил кинжал в остывающее скользкое мясо, прямо во впадину солнечного сплетения – и почувствовал, как завибрировала в ладони рукоять. Клинок ожил! Резная свастика засияла тяжёлым рубиновым светом, закрутилась в золотом колесе, издавая мелодичный звон. Из центра её потекли мягкие кроваво-красные лучи. Подставив под них лицо, Аркадий почувствовал тревожное бархатное тепло. «Как после ядерной войны», – подумал он и радостно рассмеялся. Привиделись Аркадию многогранные башни и изумрудные купола, залитые сочащимся с небес пурпурным огнём. Красочными бликами замерцал вокруг Шебуршёнова окровавленный воздух. Неразбавленная чистая энергия космической одержимости запросто, будто к себе домой, вошла в его существование. Словно внезапно появилось у Шебуршёнова новое, непостижимое обычными зеркалами, лицо. «Я теперь Бог, – помыслил Аркадий, неторопясь почёсывая потные яйца, – великий Бог каннибалов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.